

Дискурс противостояния
Мохаммеда Реза-шаха и аятоллы Хомейни
в Иране в 1978–1979 гг.

Никита А. Филин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, n.filin@rggu.ru*

Эрадж Б. Боев

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, ebboev@lunp.ru*

Александр С. Ходунов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nalim13s@mail.ru*

Аннотация. Исламская революция в Иране считается одним из важнейших политических событий второй половины XX в. Она была достаточно неожиданной, так как режим шаха казался очень стабильным и экономически успешным. Революцию возглавило консервативное шиитское духовенство во главе с Хомейни. Противостояние между режимом шаха и движением аятоллы Хомейни началось еще с начала 1960-х гг., а в 1978–1979 гг. вступило в наиболее ожесточенную фазу, что сопровождалось конфликтным дискурсом с обеих сторон. Хомейни занимал непримиримую позицию по отношению к шаху и критиковал каждое его действие, называя его преступником и борцом против ислама. Шах, в свою очередь, пытался укрепить свою легитимность среди верующих иранцев и говорил, что оказывает покровительство исламу. Однако большинство иранских мусульман активно поддержало Хомейни, который обладал гораздо большим авторитетом и популярностью. В результате противостояния шах не выдержал напряжения и уехал из страны, а власть перешла к Хомейни. Шах после изгнания в интервью американским СМИ заявлял о том, что именно он по-настоящему заботился о своей стране, в то время как Хомейни хочет стереть ее историю и не собирается развивать Иран.

Ключевые слова: Иран, Мохаммад Реза Пехлеви, Рухолла Хомейни, революция, речь, протест, дискурс-анализ

Для цитирования: *Филин Н.А., Боев Э.Б., Ходунов А.С.* Дискурс противостояния Мохаммеда Реза-шаха и аятоллы Хомейни в Иране в 1978–1979 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 5. С. 35–48. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-35-48

The discourse of the confrontation between Mohammad Reza Shah and Ayatollah Khomeini in Iran in 1978–1979

Nikita A. Filin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, n.filin@rggu.ru*

Eradzh B. Boev

*Linguistic University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia, ebboev@lunn.ru*

Aleksandr S. Khodunov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, nalim13s@mail.ru*

Abstract. The Islamic Revolution in Iran is considered one of the most important political events of the second half of the 20th century. It was quite unexpected, since the Shah's regime seemed very stable and economically successful. The revolution was led by the conservative Shiite clergy led by Khomeini. The confrontation between the Shah's regime and the movement of Ayatollah Khomeini began in the early 1960s, and in 1978–1979 entered the most violent phase, which was accompanied by conflict discourse on both sides. Khomeini took an irreconcilable position towards the Shah and criticized his every action, calling him a criminal and a fighter against Islam. The Shah, in turn, tried to strengthen his legitimacy among Iranian believers and said that he was providing patronage to Islam. However, the majority of Iranian Muslims actively supported Khomeini, who had much greater authority and popularity. As a result of the confrontation, the Shah could not stand the tension and left the country, and power passed to Khomeini. After his expulsion, the Shah, in an interview with American media, claimed to be the one who truly cared about his country, while Khomeini wants to erase its history and is not going to develop Iran.

Keywords: Iran, Mohammad Reza Pahlavi, Ruhollah Khomeini, revolution, speech, protest, discourse analysis

For citation: Filin, N.A., Boev, E.B. and Khodunov, A.S. (2024), "The discourse of the confrontation between Mohammad Reza Shah and Ayatollah Khomeini in Iran in 1978–1979", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 5, pp. 35–48, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-35-48

В 1978–1979 гг. в Иране произошли беспрецедентные по силе и масштабу демонстрации против шахской власти, закончившиеся свержением шаха и установлением исламского правления в феврале 1979 г. Необычность этой революции заключается в том, что она произошла не в период затяжного кризиса, как многие знаменитые революции XX в., а экономического бума, длившегося два десятилетия. Обе стороны – и шахская власть, и сторонники аятоллы Рухоллы Хомейни – использовали различные приемы и методы борьбы с целью очернить противника и добиться перехода основной массы народа на свою сторону. При этом число погибших в ходе этих революционных демонстраций было относительно небольшим, учитывая колоссальный размах выступлений. В отечественной и зарубежной научной литературе достаточно подробно исследованы истоки, ход Исламской революции и причины ее победы. Поэтому в данном исследовании эти вопросы будут освещены кратко, а основное внимание будет уделено особенностям противостояния шахского режима и движения аятоллы Хомейни, в том числе с использованием дискурс-анализа, в рамках которого будут рассмотрены высказывания Мохаммеда Реза-шаха и Хомейни друг о друге.

Вначале следует обратиться к причинам масштабности революционных выступлений в Иране. Прежде всего, стоит рассмотреть экономическую динамику в Иране в годы, предшествовавшие революции. С одной стороны, ВВП на душу населения рос исключительно быстрыми темпами, увеличившись за 1956–1976 гг. в 4,2 раза – с 2,5 до 10,7 тыс. долл. по паритету покупательной способности (2-е место в мире после Ливии среди стран с населением свыше 1 млн чел.). Учитывая, что и само население Ирана в тот период быстро росло, общий объем ВВП увеличивался еще более быстрыми темпами¹. С 1973 г. данный процесс был во многом связан с резким ростом цен на нефть, принесшим Ирану десятки миллиардов долларов. Это позволило вывести множество людей

¹ Maddison Project Database. 2020. November 2. URL: <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2020> (дата обращения 22.04.2021).

из состояния бедности и недоедания. С другой стороны, администрация Мохаммеда-Реза Пехлеви хоть и уделяла большое внимание экономическим реформам и особенно индустриализации и строительству транспортной инфраструктуры, но при этом не оказывала должного внимания сглаживанию диспропорций в развитии регионов и развитию социальной сферы. Поэтому рост экономики был очень неравномерным и приводил к росту неравенства доходов как в разрезе регионов, так и в разрезе города и деревни и даже богатых и бедных городских кварталов [Алиев 2004, с. 431–432]. Особенно ярко это было видно на примере Тегерана, где фешенебельные кварталы богатых жителей на севере резко контрастировали с трущобами на юге города, лишенными элементарных удобств. Это привлекло внимание аятоллы Хомейни, который обличал режим за отсутствие заботы о бедных и нищенское существование жителей трущоб [Жуков 1999, с. 99]. Неравенство само по себе порождало недовольство заметной части общества. Кроме того, из-за резко ускорившейся инфляции индекс стоимости жизни в Иране в 1970–1976 гг. вырос в 1,9 раза. Правительство в 1978 г. приняло меры по обузданию инфляции путем резкого сокращения бюджетных расходов и особенно расходов на строительство, в результате чего экономический рост резко замедлился и стал отставать от темпов роста населения. Это привело к росту протестных настроений в обществе, особенно среди городских рабочих, доходы которых в 1970-е гг. увеличивались значительно быстрее инфляции, а уже летом 1978 г. 400 тыс. рабочих стали безработными, а реальная зарплата остальных резко упала. Поэтому страну охватила волна забастовок [Abrahamian 1982, pp. 497, 509–512].

Другой очень важной причиной нестабильности был бурный демографический рост, особенно среди городской молодежи. Так, общая численность населения Ирана за 1956–1976 гг. увеличилась с 19 млн до 33,7 млн чел., или в 1,8 раза, а городское население при этом выросло в 2,6 раза и достигло 47% [Assari, Mahesh 2011, p. 152]. При этом особенно быстро росло число мигрантов, переезжавших из сельской местности в города. По одной из оценок, в городах Ирана с 1966 по 1975 г. сконцентрировалось 5 млн мигрантов из деревень, в основном молодых, которые были заняты в значительной степени неквалифицированным трудом и часто были недовольны своим положением, что означало очень большой потенциал для политической нестабильности [Скляр 1993, с. 169].

Третья важная причина дестабилизации заключалась в жестком авторитарном политическом режиме, который не устраивал иранскую интеллигенцию. В стране в конце 1970-х гг. существо-

вала единственная разрешенная партия (Растахиз). Также, по некоторым данным, шахская тайная полиция САВАК осуществляла репрессии против инакомыслящих, пытая, сажая в тюрьмы, а иногда и убивая видных оппозиционно настроенных иранцев [Алиев 2004, с. 435]. В этой связи даже со стороны главного союзника Ирана – США в лице администрации Дж. Картера – на шахский режим было оказано давление с целью его либерализации, после чего шах в 1977 г. пошел на определенные уступки (освобождение части политзаключенных, назначение более либерального премьера и др.), которые тем не менее не удовлетворили исламистскую оппозицию [Abrahamian 1982, pp. 500–501].

Противостояние между шахом и аятоллой Хомейни восходит еще к началу 1960-х гг. Еще в начале 1963 г. аятолла начал критиковать «Белую революцию» – серию модернизационных реформ, начатых шахской администрацией, утверждая, что они на самом деле разработаны для ослабления роли духовенства в обществе и попадания Ирана в зависимость от Запада. Хомейни советовал шаху изменить свою политику. В июне 1963 г. он по указанию монарха был арестован, а после освобождения возобновил борьбу против режима, обвинив его в национальном унижении страны из-за предоставления дипломатического иммунитета американским советникам в Иране. После этого мятежный аятолла был выслан из Ирана в Турцию (1964 г.), затем в следующем году перебрался в Ирак, а в октябре 1978 г. переехал во Францию. Даже находясь в изгнании, аятолла старался реагировать на каждый значимый политический шаг шаха, осуждая его как врага ислама и народа. Так, он резко осудил торжества, посвященные 2500-летию монархии в Иране в 1971 г.: «Нам не нужно это празднование, мы голодны, положите конец голоду мусульманского народа, не пируйте на трупах людей». Его выступления тайно отправляли в Иран в виде аудиокассет. Яркой особенностью проповедей Хомейни стал их предельно негативный тон по отношению к шаху и абсолютно всем его мероприятиям, даже тем, которые были направлены на социально-экономическое развитие Ирана и либерализацию его политической системы (аятолла считал все это уловкой для обмана легковверных иранцев), а также отождествление монарха с самыми отрицательными персонажами в истории ислама: прежде всего – с халифом-тираном Язидом, который согласно шиитской традиции подло убил праведника и мученика Хусейна. Он провозгласил борьбу с шахским режимом религиозной обязанностью всех мусульман [Жуков 1999, с. 24–41].

Шах, со своей стороны, стремился перехватить инициативу у Хомейни и доказать иранцам, что его политика полностью соответ-

ствуует исламской религии, а взгляды оппозиционно настроенного духовенства представляют собой искажение истинного ислама. Для этого он начал ссылаться на исламские тексты для оправдания реформ, в частности аграрной реформы, предоставления равных прав женщинам и борьбы с неграмотностью. Однажды шах приехал в священный для иранцев город Кум и стал убеждать кумских духовных лидеров, что он безусловно соблюдает нормы ислама и стоит ближе к Богу, чем они. Подконтрольная шаху пресса утверждала, что духовенство не имеет права заниматься политикой и может только улучшать моральный облик общества. Это сопровождалось усилением преследования несогласных духовных лидеров [Дорошенко 1985, с. 125–131, 180–182].

В январе 1978 г. с подачи шахского двора в газете «Эттелаат» была опубликована статья, очерняющая Хомейни. Там говорилось, что он в молодости был английским агентом, а сейчас ведет порочный образ жизни и в тайном союзе с коммунистами старается разрушить достижения «Белой революции», а иранская монархия прославлялась как прогрессивная. Вместо ожидавшегося падения престижа Хомейни эта статья, наоборот, вызвала возмущение его сторонников и фактически спровоцировала начало революции. Кумские медресе и базары закрылись, и тысячи семинаристов и сторонников Хомейни вступили в столкновение с полицией, требуя свержения режима и введения новой конституции. На следующий день Хомейни приветствовал протестующих в Куме и «прогрессивное» духовенство, поблагодарив их за борьбу с «тиранией» в лице шахского режима, призвал к продолжению демонстраций и обвинил шаха в сотрудничестве с Америкой с целью разрушения ислама и экономики страны. Массовые демонстрации против шаха повторялись в течение всего 1978 г. во всех крупных городах Ирана, и в них помимо духовенства активно участвовали торговцы, ремесленники, представители среднего класса, а с лета – и рабочие. Их поддержали и ведущие светские оппозиционные партии, прежде всего Национальный фронт. Вначале шах предпочитал подавлять протесты с помощью военных и полицейских. Затем, увидев, что протестная волна все более усиливается, он был вынужден пойти на уступки: в июле 1978 г. шах отменил ограничительные меры против торговцев и мелких предпринимателей, разрешил прессе печатать объективную информацию о протестах, которые раньше представлялись как сборища хулиганов, заменил главу САВАК на умеренного генерала, обещал провести полностью свободные выборы в парламент и начать переговоры с некоторыми религиозными лидерами. Однако Хомейни не был этим удовлетворен и призвал народ продолжать

протестовать, пока режим не будет свергнут. После народного возмущения трагедией в кинотеатре «Рекс» в городе Абадан 20 августа, когда в пожаре погибли более 400 человек и родственники жертв обвинили в поджоге режим, шах был вынужден пойти на новые уступки, снова освободил сотни политзаключенных и заменил премьером Дж. Амузегара на Дж. Шарифа-Эмами, который дружил со многими аятоллами, в надежде на то, что ему удастся успокоить духовенство. Новый премьер сразу же принял ряд мер по усилению религии в обществе, в частности выпустил из тюрем многих представителей духовенства и запретил в Иране азартные игры. Однако вскоре массовые протесты возобновились с новой силой, и шах 7 сентября ввел военное положение и запретил все демонстрации. После массовых столкновений в Тегеране и других городах он сформировал военное правительство, назначив в ноябре премьером генерала Г. Азхари. Вскоре после этого шах опять пошел на уступки, освободив более тысячи заключенных (в том числе несколько известных аятолл), отменил цензуру СМИ, арестовал множество непопулярных высших чиновников и распустил партию Растахиз. В телевизионном выступлении шах заявил, что услышал голос революции и исправит прежние ошибки. Эти меры также не помогли: лозунги протестующих принимали все более радикальный и бескомпромиссный характер, а их количество в декабре, во время траурного дня Ашура, превысило 2 млн человек, что говорит о гораздо большей популярности Хомейни, чем шаха, среди иранских мусульман. Оппозиция во главе с Хомейни по-прежнему отвергала любые компромиссы с властью. Всеобщая забастовка осенью парализовала экономику. В конце концов шах начал переговоры с оппозицией, назначил премьером Ш. Бахтияра, которого за компромисс с шахом исключили из Национального фронта, и в итоге уехал из Ирана в январе 1979 г. Его отъезд праздновали сотни тысяч людей. В феврале в страну вернулся Хомейни, которого встретили около 3 млн восторженных иранцев. К тому времени центральное правительство потеряло контроль над страной, а власть в центральных провинциях перешла к комитетам Хомейни во главе с представителями духовенства. К 11 февраля 1979 г. Хомейни окончательно установил контроль над страной [Abrahamian 1982, pp. 505–529].

Впрочем, стоит упомянуть, что в Иране проходили и демонстрации в поддержку шаха. Одна из них прошла в декабре 1978 г., и в ней участвовали сотни тысяч людей в крупных городах страны. Это означало, что даже непосредственно перед падением режима у шаха сохранялось значительное число сторонников [Склярков 1993, с. 169].

Шах тем временем продолжал пытаться укрепить религиозную легитимацию своей власти, стараясь дискредитировать восставшее духовенство, и объявил себя главным покровителем и защитником шиизма. В интервью крупнейшим иранским СМИ, отвечая на вопрос о протестах духовенства, шах заявил, что сам он является убежденным мусульманином и как монарх обязан защищать не только территориальную целостность Ирана, но и шиитскую религию, и на этом пути добился многого: например, отреставрировал такие важнейшие шиитские святыни, как мавзолей имама Резы в Мешхеде и Шах-Чераг в Ширазе. Отвечая на вопрос о протестующих в целом и о массовых беспорядках, шах выразил свое возмущение ограблениями и поджогами банков и другого имущества, что нанесло стране огромный ущерб, и заявил, что он, несмотря на все это, не отступит от своего намерения даровать иранцам весь объем демократических свобод, которые существуют в развитых западных странах². В своем выступлении по случаю исламского праздника Ид-аль-Фитр шах выразил надежду, что Иран станет еще сильнее и сможет добиться еще большего экономического процветания и духовного роста, поскольку страна в своем развитии опирается на учение Корана и слова пророка Мухаммеда. Он также подчеркнул, что народ Ирана гордится своей исламской религией, а власти Ирана стремятся добиться единства мусульман всего мира, чтобы они могли успешно защищать ислам и права мусульман³.

Хомейни, комментируя желание шаха показать себя истинным защитником ислама, заявил, что он тем самым обманывает народ, а на самом деле борется с исламом: «В этот благословенный месяц рамазан продажные издания и радиоцентры, которые в течение всего года заняты распространением антирелигиозных материалов для обмана простаков, начинают транслировать призывы к молитве и сами молитвы. Однако народ, который знает о душераздирающих столах людей, подвергающихся пыткам, слышит плач матерей по погибшим сыновьям – этот народ не должен обманываться относительно сути этих лицемерных демонстраций религиозности» [Полищук 2017].

Касаюсь основных причин победы Исламской революции, можно сказать, что одной из них, по данным исследователей, была

² متن کامل مصاحبه شاهنشاه آریامهر با نمایندگان وسایل ارتباط جمعی ایران [Полный текст интервью шахиншаха с представителями иранских СМИ] // Эттелаат. 19 авг. № 15690.

³ شاهنشاه: دعا میکنیم مسلمانان در کنار یکدیگر باشند [Шахиншах: я молюсь, чтобы мусульмане были сплоченными] // Эттелаат. 1978. 5 сент. № 15703.

непоследовательность и нерешительность шаха, который, видя, что теряет власть, метался от репрессий к уступкам и постоянно обращался за советами к американскому послу У. Салливену. Посол, в свою очередь, получал противоречивые и неадекватные ситуации указания из Вашингтона, поскольку власти США, продолжая поддерживать шаха, плохо понимали, что происходит в Иране и насколько сильным является революционное движение в этой стране [Агаев 1987, с. 18–34]. Кроме того, важную роль сыграл и фактор харизмы личности Хомейни, которому удалось объединить вокруг своего движения не только духовенство, но и самые широкие слои населения и политические движения – от радикальных консерваторов до прозападных либералов. Весьма важна была и тактика, примененная Хомейни. Он старался не допустить превращения революции в гражданскую войну и поэтому настаивал на неприменении оружия своими сторонниками, в том числе против шахских военных и полицейских, объяснив это тем, что они, возможно, в душе поддерживают демонстрантов, но вынуждены защищать режим. Поэтому общее число жертв революции, включая и исламских марксистов, по данным иранского ученого Эмадедина Баки, было относительно небольшим и составило 4 тыс. человек⁴. Для сравнения, в гражданской войне в Алжире, в результате противостояния повстанцев с правительственной армией, по самым скромным подсчетам, погибло 100 тыс. человек [Бабкин 2001, с. 3]. Действительно, хотя демонстранты иногда и прибегали к погрому банков, магазинов и административных учреждений, они воздерживались от убийств военных и полицейских. Вооруженное восстание в Тегеране подняли отряды Организации моджахедов иранского народа, не подчинявшейся духовенству, в последние дни перед победой революции, когда режим уже был существенно ослаблен длительными протестами [Филин 2012, с. 55–66].

Шах после победы революции, находясь в изгнании за границей, продолжил выступать с жесткой критикой Хомейни. Так, в книге «Ответ истории» шах критиковал несправедливость революционных трибуналов, введенных аятоллой, а также цитировал письмо сына свергнутого исламистами премьера Шапура Бахтияра, адресованное Хомейни, где тот писал, что аятолла «несет

⁴ سلیمی نمین: تعداد کم شهدای انقلاب را به نفع شاه مصادره نکنید [Салимин-Намин. Не думайте, что небольшое число жертв революции говорит в пользу шаха] // Тарих-е Ирани. 2011. 26 янв. URL: <http://tarikhirani.ir/fa/news/271/سليمي-نمين-تعداد-کم-شهدای-انقلاب-را-به-نفع-شاه-مصادره-نکنید> (дата обращения 03.05.2024).

ответственность за мученическую гибель тысяч молодых иранцев и никогда не станет героем истории» [Пехлеви 2010]. В интервью американскому журналисту Дэвиду Фросту шах назвал Хомейни неграмотным и малообразованным человеком, которому помогли сделать революцию пропагандисты, очернявшие иранскую монархию и самого шаха. Шах категорически отверг все обвинения в убийствах и финансовых злоупотреблениях, выдвинутые исламистами, и даже сравнил их пропаганду с нацистской. Также он заявил, что и некоторые западные СМИ, а именно «Би-би-си», помогали исламистам, организовывая пропаганду против его правительства. Шах также обрушился на Хомейни с серьезными обвинениями, заявив, что тот ненавидит всю историю Ирана шахского периода, считает, что в иранской истории не было ни одного хорошего монарха, и собирается стереть из памяти иранцев 2500-летнюю монархию с ее великими достижениями. Сам же аятолла не имеет никакой программы для развития Ирана, и вся его деятельность продиктована лишь ненавистью к свергнутому шаху. Мохаммед-Реза говорил, что он, в отличие от Хомейни, по-настоящему заботился о стране⁵.

Со своей стороны, Хомейни продолжил критику своего главного политического противника и после его смерти в 1980 г. В своем религиозно-политическом завещании, написанном в 1983 г., аятолла восхищался Исламской революцией и сравнивал положение Ирана при шахе и при новом режиме, заявляя, что исламское правительство по-настоящему заботится об обездоленных и бедных слоях населения, обеспечив их чистой питьевой водой и больницами, в то время как режим шаха заботился лишь о богатых и не проводил никаких серьезных мероприятий по улучшению жизни малоимущих. Также Хомейни хвалил деятельность революционных трибуналов, сравнивая их с крайне несправедливыми, по его мнению, судами шахского режима. В духовном же плане, по словам Хомейни, шах и его приближенные осуществляли пропагандистскую кампанию по дискредитации ислама, препятствуя верующему народу познавать его заповеди, репрессировав и очерняя духовенство и преследуя скромных и целомудренных женщин, однако после революции весь народ получил возможность быстрого и успешного духовного совершенствования с по-

آخرین گفتگوی محمدرضا شاه پهلوی با دیوید فراست درباره خمینی و سرنوشت تلخ ایران⁵
[Последнее интервью Мохаммада Реза-шаха Пехлеви с Дэвидом Фростом о Хомейни и горькой судьбе Ирана] // Youtube. 2024. 31 марта. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1aQF9_WF5CQ (дата обращения 03.05.2024).

мощью лучших представителей шиитского духовенства. Хомейни отмечал, что ради этой главной цели – духовного совершенствования иранцев при одновременном обеспечении им достойных материальных благ – новые власти самоотверженно трудятся. Он опровергал слова шаха о том, что возглавляемые им сторонники религиозных ценностей якобы «в нашу эру хотят путешествовать верхом на ослах», заявив, что ислам приветствует новые открытия и технологическую модернизацию, однако выступает категорически против нравственной распущенности и нигилизма, что как раз и распространял сам свергнутый шах. Как отмечал Хомейни, шах, всячески борясь с влиянием духовенства, повсюду открывал увеселительные заведения и магазины по продаже алкоголя, тем самым сбивая молодежь с истинного пути, чтобы она забыла о необходимости соблюдать заповеди, предавалась земным удовольствиям и была равнодушна к происходящему в стране, а шахский двор и его западные хозяева тем временем грабили страну. И только после революции Иран обрел подлинную независимость от Запада [Жуков 1999, с. 111–139].

В заключение можно сделать вывод о том, что противостояние между режимом шаха и сторонниками Хомейни было весьма ожесточенным, что проявлялось как в кровопролитных уличных столкновениях демонстрантов с полицией и армией, так и в высказываниях и действиях шаха и аятоллы Хомейни. Конфликтный дискурс между этими двумя деятелями был чрезвычайно напряженным и интенсивным. Шах называл оппозиционное духовенство реакционным, а Хомейни называл шаха предателем и врагом ислама, обвинив его в чудовищных преступлениях. Несмотря на целый ряд уступок со стороны шаха, духовенство оставалось непреклонным и требовало его отречения от власти. Интересным представляется тот факт, что шах стремился укрепить религиозную легитимацию своей власти и пытался убедить духовенство и народ Ирана в том, что именно он, а не Хомейни, олицетворяет собой истинный ислам и всячески покровительствует исламской религии. Однако эти попытки окончились полной неудачей, и даже светская оппозиция присоединилась к движению Хомейни. В конечном итоге Исламская революция одержала победу, что было связано с нерешительностью шаха, присоединением к революционному движению самых разных слоев общества (духовенства, торговцев, рабочих, студентов), харизмой Хомейни, сплотившего вокруг себя различные партии и движения, а также его тактикой длительных ненасильственных демонстраций, которая способствовала небольшому количеству жертв среди их участников, несмотря на колоссальный размах протестного движения. После поражения

и изгнания из страны шах продолжил критиковать Хомейни, заявляя, что аятолла собирается стереть великую историю Ирана и не имеет никакого намерения заботиться о стране, в отличие от него. Хомейни, в свою очередь, в религиозно-политическом завещании жестко раскритиковал внутреннюю и внешнюю политику шаха и написал, что созданный им исламский строй гораздо больше отвечает материальным и духовным потребностям иранцев, чем монархический режим.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках программы «Проектные научные коллективы РГГУ» в 2023 г. Название проекта – «Социально-политическое развитие современного Ирана через призму текстов иранских СМИ».

Acknowledgements

Research is completed within the program “Project Scientific Collectives of RSUH/RGGU” in 2023. Name of the project: “Socio-political development of modern Iran through the prism of Iranian media texts”.

Литература

- Агаев 1987 – *Агаев С.Л.* Иран между прошлым и будущим: События. Люди. Идеи. М.: Политиздат, 1987. 319 с.
- Алиев 2004 – *Алиев С.М.* История Ирана: XX век. М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2004. 648 с.
- Бабкин 2001 – *Бабкин С.Э.* Религиозный экстремизм в Алжире (1992–2000 гг.). М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001. 280 с.
- Дорошенко 1985 – *Дорошенко Е.А.* Шиитское духовенство в современном Иране. М.: Наука, 1985. 232 с.
- Жуков 1999 – *Жуков Д.* Небо над Ираном ясное: Очерк политической биографии имама Хомейни. М.: Палей, 1999. 156 с.
- Пехлеви 2010 – *پهلوی محمد رضا. پاسخ به تاریخ. تهران: زریاب, 2010. 462 ص.* [Пехлеви М.Р. Ответ истории. Тегеран: Зарьяб, 2010. 462 с.]
- Полищук 2017 – *Полищук А.И.* Взгляды Имама Хомейни на СМИ // Международные коммуникации. 2017. № 2. URL: <https://intcom-mgimo.ru/2017/2017-02/khomeini> (дата обращения 05.05.2024).
- Скляров 1993 – *Скляров Л.Е.* Иран 60–80-х годов: традиционализм против современности: Революция и контрреволюция. М.: Наука; Восточная литература, 1993. 255 с.

- Филин 2012 – *Филин Н.А.* Социально-историческое развитие Исламской Республики Иран: 1979–2008 гг.: факторы устойчивости государственной власти. М.: РГГУ, 2012. 284 с.
- Abrahamian 1982 – *Abrahamian E.* Iran between two revolutions. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1982. 562 p.
- Assari, Mahesh 2011 – *Assari A., Mahesh T.M.* Urbanization process in Iranian cities // *Asian Journal of Development Matters*. 2011. Special vol. 5. No. 1. P. 151–154.

References

- Abrahamian, E. (1982), *Iran between two revolutions*, Princeton University Press, Princeton, N.J., USA.
- Agayev, S.L. (1987), *Iran mezhdu proshlym i budushchim: Sobytiya. Lyudi. Idei* [Iran between the past and the future. Events. People. Ideas], Politizdat, Moscow, USSR.
- Aliev, S.M. (2004), *Istoriya Irana: XX vek* [History of Iran. 20th century], Institut vosto-kovedeniya RAN, Kraft+, Moscow, Russia.
- Assari, A. and Mahesh, T.M. (2011), “Urbanization process in Iranian cities”, *Asian Journal of Development Matters*, special vol. 5, no. 1, pp. 151–154.
- Babkin, S.E. (2001), *Религиозный экстремизм в Алжире (1992–2000 гг.)* [Religious extremism in Algeria (1992–2000)], Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, Moscow, Russia.
- Doroshenko, E.A. (1985), *Shiitskoe dukhovenstvo v sovremennom Irane* [The Shiite clergy in modern Iran], Nauka, Moscow, USSR.
- Filin, N.A. (2012), *Sotsial’no-istoricheskoe razvitie Islamskoi Respubliki Iran: 1979–2008 gg.: faktory ustoichivosti gosudarstvennoi vlasti* [The social and historical development of the Islamic Republic of Iran (1979–2008). The factors of the stability of state authority], RGGU, Moscow, Russia.
- .2010. *پهلوی محمد رضا. پاسخ به تاریخ. تهران: زریاب*, [Pahlavi, M.R. (2010), *Answer to history*, Publishing house “Zaryāb”, Tehran, Iran]
- Polishchuk, A.I. (2017), “Imam Khomeini’s views on the media”, *Mezhdunarodnye kommunikatsii*, no. 2, available at: <https://intcom-mgimo.ru/2017/2017-02/khomeini> (Accessed 5 May, 2024).
- Sklyarov, L.E. (1993), *Iran 60–80-kh godov: traditsionalizm protiv sovremennosti: Revolyutsiya i kontrrevolyutsiya* [Iran in the 1960–1980s. Traditionalism against the present. Revolution and counter-revolution], Nauka, Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Zhukov, D. (1999), *Nebo nad Iranom yasnoe: Ocherk politicheskoi biografii imama Khomeini* [The sky over Iran is clear. Essay on the political biography of Imam Khomeini], Paleya, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Никита А. Филин, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; n.filin@rggu.ru

Эрадж Б. Боев, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а; ebboev@lunn.ru

Александр С. Ходунов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nalim13s@mail.ru

Information about the authors

Nikita A. Filin, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; n.filin@rggu.ru

Eradzh B. Boev, Linguistic University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; 31a, Minina St., Nizhny Novgorod, Russia, 603155; ebboev@lunn.ru

Aleksandr S. Khodunov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; nalim13s@mail.ru